

Хроника современной литературы

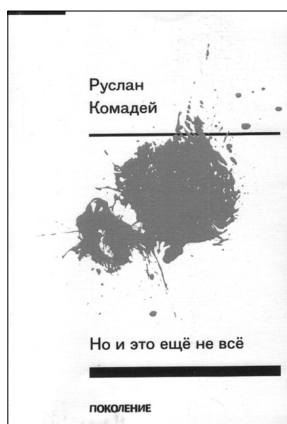
Александр Уланов

Расщепление темноты

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_307

Комадей Р. Но и это еще не все

М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2021. — 56 с.

Стихи Руслана Комадея полны синтаксических и грамматических сдвигов. «Из случайных слов прикоснувшихся / возник пыль» (с. 52) — возникла пыль, но и возник некий субъект, человек из праха. Пыль, кстати, окрыляет — как сказано в том же стихотворении. Тут и пыльца на крыльях бабочки, и пыль-память о тех, на чьих плечах стоишь, и еще многое. Но таким языком и говорить около смерти, где «никакое укрытие невозможно» (с. 53). Там, где «взгляд — это столбняк» (с. 15), всегда выявляя такое, от чего можно остолбенеть. Для встречи с многообразным миром могут понадобиться и соединение синтагмы одновременно с предыдущей и с последующей («камень отчаянный / воды день /

как живёт / запоминая», с. 39), и неологизмы («нектота чувственная», там же). Комадей применяет пространственную композицию, расщепление строки или слова и многое другое, что пока непривычно в русской поэзии, но обычно в американской. Но он не обходит и заумь русских футуристов. «В предложении не входят: одежда, обычай, ветер, полдник, рябь, плоть, травма, оболочка, штиль, легкость, запах, панاما, рыба, солнце, анекдот, дыхание, песок, глоток, воля, волна, вольволныволяволны — воля вол на вля влны лалвно лвол овлнл овлнлллл» (с. 17). Это указание на конечность любого упорядоченного высказывания — но одновременно и на его связь с хаосом, в которое оно может распасться, но из которого и черпает содержание и жизнь. Вопрос «ктоя» (с. 19) влечет путаницу в языке/мысли: «просто и простовойя / от делусь замрту», — где на простоту наползает вой, на отдельность смерть.

Книга Комадея посвящена гораздо более взаимоотношениям человека и общества, человека и истории, а не человека и человека; где-то проскальзывают Катя, Динара и Ангелина, с которыми надо бы встретиться, но и не более того. Общество заставляет слово принимать только одно значение, например не логическое, а лишь юридическое: «следствие: / алебастровое, правоохранительное» (с. 42). Но книга не пытается представить подавление как только языковую игру. И давление общества, и сопротивление личности у Комадея не столько описаны (описание неизбежно отстраненно), сколько представлены в событиях языка. Суконной мудрости «льдины “женись” и “мужайся”» (с. 44) заслуживают только иронии: «женящееся мужайство». В другом тексте появляется «ложка выращивания семей» (с. 49). Зрелость не спасает, она скорее застывание: «мы всё равно в верёвки верим» (с. 45).

Позиция Комадея — безжалостная наблюдательность. «Весь в щетине из собственного смеха» (с. 34). Не следует надеяться: «чаяние сжимает пользу труда, / угрожая банальным концом движения» (с. 41). Комадей отказывается и от иллюзии уюта, бумажного творчества, цветущей природы. «Слишком многое продолжает казаться окном: / милый чай, лепестки бумаги, сад с окном» (с. 33). Виновен и удобно устроившийся, тот, «кто распечатывает обёртку чего, / сидя за целостностью сетчатки» (с. 41). Не спасет «место, / где я сольюсь с сопричастными: / бантиками, девочками-акушерками, / христовым семенем и поздним капитализмом» (с. 32). Человеку самому искать свой отдельный путь.

Преобладающий цвет стихов Комадея — черный. (О том, что у Комадея «всё раннее, дорассветное. Свет разве что снится», пишет и И. Машинская¹.) Цвет сажи и буквы. Письмо как результат выгорания. Да и чтение («сжигая в глазу / разницы русского языка», с. 10). И перевод: «хор, обладающий переводчика, / строго настроен на пепел» (там же). Как выбраться из горения речи? Сбить ее правильность? «когда тем не могу / то й. / млое личико: / раздвáтри» (с. 11) — потому что, например, близкий человек — это не стандарт нормы, а индивидуальность близости? Сдвинуть слово из наречия? союза? в — дополнение? состояние? «едва ли лицо, его едва» (с. 15). Смещать регистры от нормативной связности предложения до связи лишь положением в одной строке: «Безучастья хлебá перерыв» (там же)? Создать даже не связь, а взаимопроникновение слова и предмета (развивая обэриутов)? В поезд впитываются чернила, он летописец, и одновременно под его днищем кал, вода и мазут (с. 5). Буква цепляется за репей, у слова могут быть переломаны руки.

Н. Санникова отмечает принципиальную неустойчивость стихов Комадея. «Такая зыбкая речь передает сознание неустойчивости читателю и предлагает соучастие — граница чтения и письма тоже может и должна быть размыта»². Но личность и находит себя в неуверенности, постоянной постановке под вопрос — без нее человек теряет себя, оказывается принадлежащим той или иной системе взглядов, не им созданной. По мнению Ю. Поддубновой, Комадей «сочетает традиционное и абсурдистское, не отказываясь ни от привычных и по-своему банальных поэтических форм, ни от неожиданных экспери-

1 Машинская И. [Рец. на кн.:] Руслан Комадей. Парад рыб. Геннадий Каневский. Подземный флот // Промегалит. 2014 (http://www.promegalit.ru/public/10941_irina_mashinskaja_ruslan_komadej_parad_ryb_gennadij_kanevskij_podzemnyj_flot.html).

2 Санникова Н. Сопроводительное письмо номинатора // Премия Аркадия Драгомощенко. 2016 (<https://atd-premia.ru/2016/11/03/ruslan-komadej/>).

ментов»³. Язык массовой культуры маркирует ее соблазн: «роскошные апартаменты / где от дыхания шепчутся свечи» (с. 18). Выливаясь вскоре в блатные интонации: «нет, парашютист, / ты мне жену не заметишь / тотоже». В полуабсурдной истории о формалистах (Тынянове, Шкловском, Якобсоне) Абиссиния или броневик постепенно переходят в сегодняшнее «как в поездах предаваться скорби и безразличию» (с. 34). Некоторые фразы Комадея заставляют вспомнить скорее работы по логике (если литературу — то разве что Льюиса Кэрролла). Например, о взаимосвязи следствия и причины: «я причинил отца» (с. 19). Действительно, отец — причина рождения сына, но только появление сына и делает отца отцом.

Обобщающее утверждение вроде «нас глотало павшее бегство» (с. 5) немедленно разъедается иронией и рефлексией: автор знает, что «мы» пишется для самоутешения, в нем притворство драмы и значимости, бежать — «езде / на слишком множестве многоножек» (вспоминается персонаж ехидной фразы, побежавший в разные стороны одновременно). После такого и остается констатировать, отстранившись: «с ними ничего не будет». Но так человек и выходит из «мы» к «я»? И поэты если и делают одно и то же — все равно разными сторонами (с. 8).

Комадей сознает слабость — свою и поколения. «Мы блудим и блуждаем, / нет сил, чтобы признаться в “я”» (с. 29). Он ощущает множественность личности («перехожу к следующему себе», с. 30), путаницы имен («одни имена / такие, какие-то», с. 31). Но он не будет пытаться уладить все это связностью повествования или опорой на повседневность, пытаться ограничить стихотворение на том, что «в маршрутке синие шторы с розами» (с. 35). Он будет пытаться переводить это на язык мертвых или с итальянского на русский, и едущий в маршрутке окажется «на пароме и без, / на домике и бездомный» (с. 36), рассыпаясь в противоречия — но одновременно не забывая, «как Пауля Целана / били ногами под сапогом» (там же). Смещенность синтаксического управления демонстрирует и кривизну жизни: «жить / прибережённое на-на-на / гнилых отчислений» (с. 42).

Н. Санникова пишет, что «Евгений Туренко, чьим младшим учеником является Комадей, настаивал на изменении всего и вся — взгляда, ритма, звука, он учил не останавливаться, не обольщаться равновесием»⁴, — вероятно, Комадея можно считать наиболее последовательным в этом, так как многие другие, считающиеся учениками Туренко, ориентированы более на описание повседневности. Для Комадея повседневность с ее железным гаражом, за которым в кустах валяются что теннисная ракетка, что труп, — скорее и есть ад (с. 41). Среди спутников Комадея АГ — вероятно, писавшая под псевдонимом Анна Горенко русско-израильская поэтесса Анна Карпа. Горечь, ирония, бездомность которой вырывают из спокойного мира («в онках, вогняз запутались», с. 26) и помогают расти. Некоторые интонации текста «Новый гнев» напоминают и о Янке Дягилевой.

«Черное, прошлое, непробивное» (с. 12) понятно, потому что уже мертво, с ним ничего непредусмотренного не будет. Иной цвет — риск непонятных воз-

3 Подлубнова Ю. От стиха до стекла. [Рец. на кн.:] Алексей Кудряков. Стихотворения. Руслан Комадей. Стекло // Урал. 2013. № 1 (<https://magazines.gorky.media/ural/2013/1/ot-stiha-do-stekla.html>).

4 Санникова Н. Сопроводительное письмо номинатора.

можностей. Но пунктир, прерывность могут ожить. Если поддержаны речью, жесткой, оглядывающейся, порой разорванной, порой плавящейся и перетекающей. «Отличие неба — слеп, боль, вrost. Брать страдание на поклон» (с. 47). Текст очень плотен, книга Комадея требует внимательности. «Приходится замечать» (с. 50) — скользящий по фразе взгляд не заметит мечети. «Тяжело упираясь кам-нем» (с. 51) — необходимо услышать немоту в этом опорном-краеугольном. Это отмечает и Ирина Машинская: «у Комадея огромный зрачок и отличное ухо — большая редкость в современной поэзии»⁵.

И внимательность, помноженная на напряжение, не пропадает зря. «Я знаю, что всё осталось окном: / булжники-малыши, варежки лиц, причины» (с. 33) — если в них всмотреться, задать вопрос: «камень, ты — кто?» (с. 40), различить (потому что окно — «даже две вещи, взятые по отдельности», с. 33) и встретить. В окне одновременно все растворяется и все остается, от аккадского эпоса до штанов. Комадей выбирает жизнь в постоянном противоречии, в несводимости. «О чем и прошу: перебудешь двойной, изменишь видимость, а день-единица» (с. 20). Меняться может расщепленное, хотя бы двойное (или множественное), а день, куда тела входят, закрученные умыванием, слишком един и просвечен, чтобы с ним говорить или ждать от него перемен. «Умри обветренно // чудом» (с. 40) — и ирония над клише «чудом остался жив», и намерение погнаться не на месте, а в зареве поворота, в пространстве, в ветре, — но и превращение смерти в чудо, размыкающее выход куда-то еще. Есть «она» — «резкость, дыра, пыль», одновременно «свечущая, гласная» (с. 46) — кто? Жизнь, подвижность, вопреки застывшему? Дело человека — включить-ся в нее. «Мы внесены ей вветер, / раскачивая другую форму» (там же).

Можно жить в сгоревшей раздробленности и одновременно идти вдаль посредством вполне связных дел. Комадей руководит издательством «Полифем», где выходит много переводов современной американской поэзии — как положено, большими авторскими сборниками-билингвами, с учетом прав автора. Он издает журнал «Здесь», подготовил к печати книгу уральского поэта Сандро Мокши. Возможно, ирония уберегает от приблизительности и со-блазна схалтурить и в издательских делах.

А дела способствуют и важному для автора безразличию к себе. Объективизму (возможно, опирающемуся и на американских поэтов-объективистов). Личный взгляд Комадея умеет отвлечься от себя. «Красиво, когда ты нет, / то есть когда я не думаю о себе» (с. 52). Комадей смотрит, слушает, думает, а слушающиеся с автором бедствия слишком личное дело, чтобы о них говорить, пытаясь распространить их на всех. Но одновременно это не эпос, не попытка охватить все — скорее попытка найти свой взгляд, свою позицию. Не случайно Комадей выбрал для изданной им книги переводов американской поэте-сы Розмари Уолдроп название «Снова найти точное место». Именно снова, потому что раз навсегда найти место невозможно — и не нужно, это было бы застыванием.

«Гаснет где? Мерцает» (с. 51) — то есть все же продолжается. Рядом «вот оно, удивление / спящее под ногами» (с. 55) — важно наклониться к нему. «Волк растерзал камень, / но и это ещё не всё» (с. 34) — это еще не все сваливающиеся бедствия. И одновременно всегда есть что-то иное, куда можно идти,

5 Машинская И. [Рец. на кн.:] Руслан Комадей. Парад рыб. Геннадий Каневский. Подземный флот.

что можно встретить. О предыдущей книге Комадея «Ошибка препятствия» (2017) К. Корчагин писал, что поэтика Комадея направлена на «расщепление линейности поэтического текста, на разложение любых устойчивых знаков»⁶. В новой книге этот процесс продолжается, причем расщепление кажется имеющим вполне конструктивную цель — поиск себя, своей речи. «Вполне несложно препятствовать прекращению видимого» (с. 17) — если смотреть самому, создавать. Строфы одного из текстов разделены знаком 8 — скорее не цифрой, а вставшей вертикально бесконечностью.

---

6 Корчагин К. Рецензия на книгу: Комадей Р. Ошибка препятствия // Воздух. 2017. № 2–3. С. 289.